

Ошибка как юридический факт в гражданском праве Error as A Legal Fact in Civil Law

А. Я. Рыженков,

профессор кафедры гражданского права и процесса
Калмыцкого государственного университета, доктор юридических наук, профессор
4077778@list.ru

A. J. Ryzhenkov,

professor of department of civil law and process Kalmyk state university,
doctor of jurisprudence, professor

© А. Я. Рыженков, 2020

Аннотация. Статья посвящена осмыслению ошибки как юридического факта. Делается вывод, что объяснение механизма действия данного юридического факта лежит вовсе не в сфере эффективности гражданского оборота, а в плоскости основных начал российского гражданского законодательства. Сделка, совершенная под влиянием заблуждения, противоречит принципу свободы договора, если применять его не только к двусторонним, но и к односторонним сделкам (по аналогии). Вмешательство факторов, которые обусловили заблуждение, мешает субъекту права должным образом осуществить свои интересы и, таким образом, нарушает такой принцип гражданского законодательства, как действие своей волей и в своем интересе. Существо ошибки как юридического факта напрямую производно от концептуальной модели гражданской правосубъектности, предполагающей образ участника гражданских правоотношений как рационально мыслящего субъекта, а сделки — не только как волевого и поведенческого акта, но как своеобразной интеллектуально-познавательной активности; на этом основании молчаливо предполагается, что допущенные искажения познавательного характера априори не могут вести к юридически доброкачественным результатам.

Ключевые слова: ошибка, заблуждение, сделка, воля, правоотношение, договор.

Abstract. The article is devoted to understanding the error as a legal fact. It is concluded that the explanation of the mechanism of action of this legal fact lies not in the sphere of efficiency of civil turnover, but in the plane of the main principles of Russian civil legislation. A transaction made under the influence of delusion contradicts the principle of freedom of contract, if it is applied not only to bilateral, but also to unilateral transactions (by analogy). The interference of factors that caused the error prevents the subject of law from properly exercising its interests and, thus, violates the principle of civil law, such as acting with one's own will and in one's own interest. The essence of an error as a legal fact is directly derived from the conceptual model of civil legal personality, which assumes the image of a participant in civil legal relations as a rationally thinking subject, and the transaction—not only as a volitional and behavioral act, but as a kind of intellectual and cognitive activity; on this basis, it is tacitly assumed that the admitted distortions of the cognitive nature a priori can not lead to legally benign results.

Keywords: error, delusion, transaction, will, legal relationship, contract.

DOI: 10.17803/2587-9723.2020.3.188-192

Ошибка как особый юридический факт конституируется в российском гражданском законодательстве в п. 1. ст. 178 Гражданского кодекса РФ, где указывается, что сделка, совершенная под влиянием заблуждения, может быть признана судом недействительной по иску стороны, действовавшей под влиянием заблуждения,

если заблуждение было настолько существенным, что эта сторона, разумно и объективно оценивая ситуацию, не совершила бы сделку, если бы знала о действительном положении дел¹.

В тексте ст. 178 ГК РФ прослеживается следующая установка законодателя: совершение сделки представляет собой познавательную деятельность

¹ Часть первая Гражданского кодекса Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

(хотя отметим, что никаких формально-юридических гарантий этого законодательство не содержит).

При наличии нескольких участников сделки предполагается, что каждый из них до ее совершения получает и интеллектуально обрабатывает определенную, причем достаточно сложную, информацию, и делает это не только в отношении собственного поведения, но и в отношении своего контрагента (что будет показано далее).

При этом, в отличие от использованного в ст. 178 ГК РФ понятия «заблуждение», феномен ошибки включает в себя и объективный, и субъективный компоненты.

Заблуждение — это сугубо ментально-психологическое состояние, не дополненное поведенческим моментом. По этой причине заблуждение, строго говоря, не может выступать в качестве юридического факта, поскольку, как и любые чувства, мысли, переживания и т.п., не имеет собственного юридического значения, не влечет правовых последствий и вообще не может быть установлено юридически, так как не имеет никакой внешней формы выражения.

Напротив, ошибка представляет собой пограничное или составное явление, которое сочетает в себе черты внутреннего состояния лица и его поведенческих актов, основанных на этом состоянии (ошибка в речи, на письме и т.п.).

Таким образом, ошибка, если рассматривать ее как разновидность юридических фактов, относится к такой их категории, как сложные юридические составы.

Ошибка включает в себя, во-первых, определенное юридически значимое действие, например сделку, а во-вторых, психическое отношение лица к своему действию (ложное принимается за истинное). Как и в любом юридическом составе, ни один отдельно взятый элемент не порождает тех правовых последствий, которые возникают при наличии целого: действие в отсутствие заблуждения имеет обычную юридическую силу, а заблуждение в отсутствие действия вообще никак не оценивается с точки зрения права, поскольку лишено социальной значимости.

Заблуждение как субъективный аспект ошибки может рассматриваться как неучтенность или искажение фактической стороны сделки в сознании совершающего ее лица. Например, А. В. Пермяков определяет заблуждение как состояние, «закрывающееся в неверном представлении об элементе правоотношений, явившимся причиной несоответствия действительной, внутренней воли

указанного лица ее внешнему выражению (волеизъявлению)»².

Аналогичны объяснения В. А. Цветкова: «Сделку считают недействительной, если выраженная в ней воля стороны неправильно сложилась вследствие заблуждения и повлекла иные правовые последствия, нежели те, которые сторона действительно имела в виду. Под влиянием заблуждения участник сделки помимо своей воли составляет неправильное мнение или остается в неведении относительно тех или иных обстоятельств, имеющих для него существенное значение, и под их влиянием совершает сделку, которую не совершил бы, если бы не заблуждался»³.

Однако такой подход не был бы функционален, поскольку отсылает к внутреннему миру человека, который недоступен непосредственному наблюдению ни других участников сделки, ни суда, принимающего решение о наличии или отсутствии заблуждения.

Как представляется, основным наглядным симптомом заблуждения следует считать противоречивость поступков субъекта. Например, покупатель приобретает деталь от электронного устройства, однако принадлежащее ему устройство имеет иную модель или конструкцию, вследствие чего данная деталь к нему не подходит — налицо явный пример заблуждения в отношении предмета сделки.

В информационном письме Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 10.12.2013 № 162 «Обзор практики применения арбитражными судами статей 178 и 179 Гражданского кодекса Российской Федерации» приводится пример такой противоречивости: индивидуальный предприниматель — собственник земельного участка (далее — предприниматель) обратился в арбитражный суд с иском к обществу с ограниченной ответственностью (далее — первое общество) о признании недействительным договора аренды земельного участка. В качестве третьего лица к участию в деле привлечено другое общество с таким же наименованием (далее — второе общество), но имеющее ОГРН, отличающийся от ОГРН первого общества. В аренду предполагалось передать два смежных земельных участка для строительства комплекса жилых зданий, которые должны были поступить в собственность предпринимателя и эксплуатироваться вторым обществом в течение срока действия договора аренды. Однако в результате допущенной ошибки земельные участки оказались в аренде у двух разных юридических лиц, в связи с чем строи-

² Пермяков А. В. Заблуждение как ситуационное состояние // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2011. № 3 (28). С. 105.

³ Цветков В. А. Особенности рассмотрения судами споров о признании недействительными сделок, совершенных под влиянием заблуждения // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2011. № 3 (28). С. 100.

тельство комплекса и использование участков по целевому назначению стало невозможным⁴.

При этом обращает на себя внимание, что предметом познавательной активности сторон выступают только объективные, но не субъективные аспекты совершаемых действий; законодатель специально обращает внимание на то, что заблуждение относительно мотивов сделки не является достаточно существенным для признания сделки недействительной.

Существенным является то заблуждение, которое означает, что субъект права фактически и юридически совершает качественно иное действие, нежели то, которое представляет себе.

Понятие «природа сделки» официально не определяется, однако его сравнительно легко установить исходя из законодательной дефиниции, поскольку природа — не что иное, как сущность, или качественная основа, вещи (явления), задающая его вид и функции.

На основании ст. 153 ГК РФ сделки — это действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. Таким образом, напрашивается вывод, что природа сделки — это смысловая связь между характером действия и его юридическим последствием.

В этой связи выглядит лишней логики позиция Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ, высказанная в указанном информационном письме от 10.12.2013 № 162 и состоящая в том, что заблуждение относительно правовых последствий сделки якобы не является основанием для признания ее недействительной по ст. 178 ГК РФ.

В Обзоре Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ приводится пример из судебной практики, когда гражданин обратился в арбитражный суд с иском о признании сделки по передаче принадлежащей ему сельскохозяйственной техники в качестве вклада в общее имущество крестьянского (фермерского) хозяйства недействительной, поскольку не знал, что в результате принадлежащая ему на праве собственности сельскохозяйственная техника становится общей собственностью членов фермерского хозяйства, следовательно, он утрачивает возможность единоличного распоряжения ей. По мнению суда, истец не доказал, что при совершении сделки по передаче имущества в качестве вклада в общее имущество фермерского хозяйства его воля была направлена на совершение какой-либо другой сделки. Более того, из представленных истцом доводов усматривается, что он желал совершить именно оспариваемую сделку.

С нашей точки зрения, принципиальное упущение здесь состоит именно в том, что из примера со всей определенностью следует, что лицо намеревалось совершить иную сделку, нежели та, что реально состоялась, и заблуждение касалось именно ее природы.

Суд в рассматриваемом примере фактически приравнял сделку к самому юридически значимому действию, проигнорировав второй смысловой элемент данного понятия, а именно — ее направленность на достижение юридически значимого последствия: «Осознание последствий является одним из условий действительности волевого акта, ибо в отсутствие такового невозможно говорить о направленности данного акта на конкретные юридические последствия. Именно поэтому, если имеются все основания полагать, что лицо могло или, по крайней мере, должно было осознавать последствия своих действий, право исходит из предположения о совпадении внешнего и внутреннего, изъявленного и подразумеваемого...»⁵. Очевидно, что при таком подходе изменение последствия с неизбежностью означает изменение природы сделки.

Необъяснимо, что при этом, в частности, пп. 4 п. 2 ст. 178 ГК РФ предусматривает в качестве основания для недействительности сделки заблуждение в отношении лица, с которым она вступает в сделку, или лица, связанного со сделкой, однако, по логике Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ, не будет являться таким основанием заблуждение в отношении правовых последствий сделки (например, если лицо полагает, что передает имущество в аренду, хотя совершает куплю-продажу, или наоборот).

Это же несоответствие находим в следующем рассуждении: «Заблуждение относительно правовой природы договора сопряжено с заблуждением относительно содержания договорного обязательства. Это заблуждение относительно особых, специфических качественных признаков предмета сделки, которые заблуждающийся имел в виду и о которых не поставил в известность другую сторону»⁶. Очевидно, что автор сам не замечает производимой им подмены: содержание договорного обязательства никак не может отождествляться с предметом сделки; содержание обязательства — это набор прав и обязанностей его участников, и именно его надлежит относить к природе сделки.

Природа юридического факта как «переключателя» правового положения субъектов общественных отношений, как «спускового крючка» для появления и видоизменения правоотношений требует ответа на вопрос: какова смысловая

⁴ Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2014. № 2.

⁵ Зезекало А. Ю. Заблуждение при совершении сделки. Томск, 2011. С. 79.

⁶ Цветков В. А. Указ. соч. С. 99.

связь между самим содержанием данного факта и характером тех последствий, которые предусмотрены законом?

В абсолютном большинстве случаев эта связь в самом законе никак не раскрывается, а описывается как самоочевидная. Не является исключением и недействительность сделки вследствие заблуждения.

При этом, как верно подмечает А. Ю. Зезекало, «противоречащим здравому смыслу кажется, на первый взгляд, внимание закона к подобным случаям и предоставление защиты ошибающемуся: ведь ошибка всегда имеет отношение исключительно к внутренним процессам допустившего ее лица; как правило, она скрыта от окружающих, а следовательно, ссылаться на ошибку всегда легко и во многих случаях ни подтвердить, ни опровергнуть ее просто невозможно»⁷.

Не вполне убедительно звучат традиционно высказываемые в цивилистической литературе утверждения вроде: «Для эффективного функционирования гражданского оборота, становления полноценных гражданских отношений важно, чтобы их участники действовали исходя из верного и ясного понимания тех правовых последствий, которые влекут совершаемые ими юридические действия»⁸. Этот аргумент выглядит сугубо декларативно, поскольку связь между ясным пониманием правовых последствий и эффективностью гражданского оборота (собственно, как и само содержание этой категории в данном контексте) лишь заявлена, но не обоснована.

Не более убедителен и следующий довод: «В противном случае стабильность гражданского оборота будет находиться под угрозой, а их участники подвергаться риску лишения того, на что рассчитывали при вступлении в гражданские правоотношения, а равно и риску потери имеющегося»⁹. Ведь риск лишения того, что приобретено по сделке, является не причиной, а следствием законодательного решения признать такие сделки недействительными.

С нашей точки зрения, объяснение механизма действия данного юридического факта лежит вовсе не в сфере эффективности гражданского оборота, а в плоскости основных начал российского гражданского законодательства.

Во-первых, сделка, совершенная под влиянием заблуждения, противоречит принципу свободы договора, если применять его не только к двусторонним, но и к односторонним сделкам (по аналогии). Лицо, действующее в состоянии заблу-

ждения, поступает не свободно, а под принуждением, равносильным обману, с той разницей, что источником принуждения выступает не чужая воля, а стечение объективных и субъективных обстоятельств.

Во-вторых, если говорить о двусторонних и многосторонних сделках, то считать их юридически полноценными противоречило бы также принципу равенства участников гражданских правоотношений, поскольку если одна сторона сделки действует на основе заблуждения, то она находится в неравном положении с другой стороной, которая опирается на адекватные представления о сделке и условиях ее совершения.

В-третьих, вмешательство факторов, которые обусловили заблуждение, мешают субъекту права должным образом осуществить свои интересы и, таким образом, нарушают такой принцип гражданского законодательства, как действие своей волей и в своем интересе.

Характерно, что законодатель распределяет гарантии против ошибок при совершении сделок таким образом, что заметная их доля приходится не только на самого субъекта, их совершающего, но и на его контрагентов. Подтверждением является п. 5 ст. 178 ГК РФ: «Суд может отказать в признании сделки недействительной, если заблуждение, под влиянием которого действовала сторона сделки, было таким, что его не могло бы распознать лицо, действующее с обычной осмотрительностью и с учетом содержания сделки, сопутствующих обстоятельств и особенностей сторон».

По сути, это означает, что сторона сделки, желающая избежать ее недействительности, несет косвенную обязанность не только проверять адекватность собственных представлений, но и вести аналогичный контроль в отношении другой стороны сделки.

Тем самым ставится под вопрос традиционное представление, что «по общему правилу... каждый из контрагентов вправе направлять свои усилия и заботы на лучшее обеспечение своего эгоистического интереса и не раскрывать глаз противнику, не умеющему должным образом блюсти свой интерес. Каждый должен сам знать, на что идет, подчиняясь известным условиям»¹⁰. Вводятся элементы взаимопомощи и обоюдной ответственности участников правоотношения.

Таким образом, существо ошибки как юридического факта напрямую производно от концептуальной модели гражданской правосубъектности, предполагающий образ участника гражданских

⁷ Зезекало А. Ю. Указ. соч. С. 6.

⁸ Пермяков А. В. Указ. соч. С. 102.

⁹ Пермяков А. В. Указ. соч. С. 102.

¹⁰ Новицкий И. Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник гражданского права. 2006. № 1. С. 140.

правоотношений как рационально мыслящего субъекта, а сделки — не только как волевого и поведенческого акта, но как своеобразной интеллектуально-познавательной активности; на этом

основании молчаливо предполагается, что допущенные искажения познавательного характера априори не могут вести к юридически доброкачественным результатам.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Зезекало А. Ю.* Заблуждение при совершении сделки. — Томск : Изд-во Томского ун-та, 2011. — 198 с.
2. *Новицкий И. Б.* Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник гражданского права. — 2006. — № 1. — С. 124—181.
3. *Пермяков А. В.* Заблуждение как ситуационное состояние // Вестник Омского университета. — Серия «Право». — 2011. — № 3 (28). — С. 102—105.
4. *Цветков В. А.* Особенности рассмотрения судами споров о признании недействительными сделок, совершенных под влиянием заблуждения // Вестник Омского университета. — Серия «Право». — 2011. — № 3 (28). — С. 98—101.